

УДК 821.161.1-95
ББК 83.3(2=411.2)613-446
DOI: 10.46726/Н.2020.4.5

З. Я. Холодова

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ М. ХВЫЛЕВОГО 1925—1926 ГОДОВ

М. Хвильевый — не только прекрасный писатель, родоначальник новой украинской прозы, но также организатор украинского возрождения. Поиски путей полноценного развития литературы привели к созданию Вольной академии пролетарской литературы, в основе платформы которой лежали философско-эстетические взгляды Хвильевого, высказанные в ходе литературной дискуссии в статьях и памфлетах, собранных в книгах 1925—26 годов: «Камо грядеши», «Мысли против течения», «Апологеты писаризма», «О необходимости культурной революции». Основные идеи памфлетов: неприемлемость тезиса о классовом характере культуры и низведения искусства к роли идеологического обслуживания партийной и государственной политики; неприемлемость массовизма; обоснование романтики витаизма как стиля нового искусства; обусловленность развития культуры Украины ее географическим расположением между Европой и Азией и создание теории азиатского ренессанса; выбор в качестве образца литературы Европы (а не русской) — воспринимались как «мысли против течения». Писатель был обвинен в национализме. Несмотря на несомненные заслуги в области культуры, Хвильевый был «вычеркнут» из литературного процесса советской эпохи. Изучение его творческого наследия началось в конце 1980-х годов. В силу причин идеологического порядка эстетические взгляды Хвильевого не освещены в литературоведении полно и объективно. В XX веке усилился интерес к его философско-эстетической концепции, появились работы, специально посвященные ее отдельным аспектам (теориям азиатского ренессанса и романтического витаизма), но преимущественно авторами работ рассматривается реализация теоретических положений в художественной практике Хвильевого и его современников.

Ключевые слова: Хвильевый, украинская литература, азиатский ренессанс, романтический витаизм, стиль, мировоззрение, идеология, творческое наследие.

Z. Ya. Kholodova

DETERMINING AESTHETIC POSITION IN THE LITERARY-CRITICAL ARTICLES (1925—1926) OF M. KHVYLOVYI

Khvylovyi was an excellent writer and an ancestor of new ukrainian prose, he also was an organizer of Ukrainian Renaissance. The search for ways of full value literature's development threw into creating The Libre Academy of Proletarian Literature, which Khvylovyi's philosophical-aesthetic outlooks were in base of programme performed in the literary discussion in the articles and pamphlets gathered in the books of 1925—26: «Kamo Gryadesh», «The Ideas Against the Stream», «Apologists scribbling», «About the Necessity of Cultural Revolution». The pamphlets fundamental ideas were the following: the unacceptability of the thesis about

---

© Холодова З. Я., 2020

class character of culture and bringing down art to the role of an ideological service of the party and state politics; the unacceptability of massovism; the basis of romantic vitalism as a style of new art; the conditionality of the ukrainian culture development its geographical disposition between Europe and Asia and the creation theory of Asian renaissance; choice as a pattern of Europe's literatures (but not russian) – were grasped as «the ideas against the stream». The writer was blamed of nationalism. Khvylovyi was struck out from the soviet literary process in spite of his undoubted merits in the Ukrainian literature and culture. The investigation of his creative heritage began in the end of 1980th. The critic's interpretation of Khvylovyi's philosophical-aesthetic position is not lit upon well enough and objectively in the literary criticism due to serious ideological reasons. The interest to Khvylovyi's aesthetic conception become stronger, the work about its separate aspects (the theories of the Asian renaissance and romantic vitalism) appeared, but mainly the authors of works analyzed the realization of theoretical principles in Khvylovyi's and his contemporaries artistic practice.

Key words: Khvylovyi, ukrainian literature, asian renaissance, romantic vitalism, style, world outlook, ideology, creative heritage.

Микола Хвильевый — писатель, критик, организатор и идейный вдохновитель украинского возрождения, глава авангардного литературного направления — ключевая фигура в духовной жизни Украины второй половины 1920-х — начала 1930-х годов. Его разносторонняя деятельность оказала огромное влияние на развитие украинской литературы, культуры и общественно-политической мысли XX века.

В 1921 году, когда состоялся его блестящий поэтический дебют (поэма «В электрический век» и сборник стихов «Молодость» вызвали восторженные отклики), Хвильевый вместе с В. Сосурой и М. Йогансенем подписался под «Универсалом к трудящимся и пролетарским украинским художникам». Молодые писатели мечтали открыть «эру творческой пролетарской поэзии истинного будущего». Поиски путей полноценного развития украинской литературы привели к созданию в 1923 году группы студийного типа «Урбино» (по названию итальянского городка — родины Рафаэля), а на рубеже 1925—26 годов — Вольной академии пролетарской литературы (ВАПЛИТЕ), объединившей талантливых молодых писателей: П. Тычину, А. Довженко, И. Сенченко, Ю. Смолича, А. Копыленко, О. Досвитного, М. Ялового и др. Просуществовав чуть больше двух лет, организация сыграла значительную роль в культурной жизни Украины.

В основе платформы ВАПЛИТЕ лежали эстетические взгляды М. Хвильевого, высказанные им в статьях и памфлетах, собранных в книгах, вышедших в 1925—26 годах: «Камо грядеши», «Мысли против течения», «Апологеты писаризма», «О необходимости культурной революции». Основные идеи памфлетов: неприемлемость массовизма («гаркун-задунайства», «красной просвиты») и низведения искусства к роли идеологического обслуживания партийной и государственной политики; обоснование романтики витаизма как стиля искусства 1920-х годов. Романтика витаизма, по Хвильевому, — «это сумма нового мирозерцания, нового мирочувствования, новых согласных вибраций» [1, с. 11].

Одно из препятствий для расцвета литературы Хвильевый видел в «бесшабашной свистопляске» критиков, стремившихся руководить искусством. И прежде всего именно на них, губящих талантливую молодежь, он обрушил

свой гнев: по его словам, под влиянием критиков, вместо того, чтобы учиться, молодежь «делается “квалифицированными писателями”, заполняя рынок красной графоманией» [8]¹. Хвылевый требовал от молодых писателей уважения к художественной литературе и понимания, что «звание художника к чему-то обязывает, что заслужить его не так легко» [8]. «Новое искусство создают рабочие и крестьяне, — утверждал писатель. — Только с условием: они должны быть интеллектуально развитыми, талантливыми, гениальными людьми» [8].

Он имел полное право быть учителем молодых писателей как один из самых талантливых мастеров слова. Его поэма «Предрасветные симфонии», открывавшая одноименный сборник (1922), начиналась гордым заявлением: «Аз есмь рабочий». И действительно, ее опубликовал слесарь Харьковского завода, но это был нетипичный рабочий: он сын учителей, окончил гимназию, не только знал мировую литературу, но и обладал, по словам М. Йогансена, его единомышленника в литературной борьбе, филолога по образованию, «полным знанием науки поэтики». К середине 1920-х годов Хвылевый был уже автором множества рассказов, новелл, повестей, напечатанных в периодике. Ни одно произведение писателя не оставалось незамеченным... Книгу рассказов и новелл «Синие этюды» (1923) самые авторитетные критики того времени называли значительным новаторским явлением в украинской литературе. Сборник «Осень» (1924), как и «Синие этюды», переведенный на русский язык, моментально разошелся не только по Украине и России, но и стал известен за границей. Он укрепил славу Хвылевого-прозаика, однако вызвал не только восторженные отклики, но и ожесточенные нападки критиков, усмотревших замаскированное стремление писателя нанести вред ленинизму, распространяя идеи Ле Бона о дегенеративном характере массовых движений (в повести «Я (Романтика)»).

«Мысли против течения» — так Хвылевый назвал один из своих сборников литературно-критических работ. Не случайно сборнику дано говорящее название: писатель отчетливо осознавал, что высказываемые им взгляды на природу художественного творчества расходятся с теми, которые активно насаждаются «сверху». В авторском предисловии к сборнику памфлетов «Камо грядеши» Хвылевый извиняется перед читателем за возможное непонимание им отдельных деталей споров, так как памфлеты — это ответы «олимпийцев» (так он называет своих единомышленников) оппонентам. Но, главное, в памфлетах поставлены актуальные эстетические вопросы, поэтому, говорит Хвылевый, они станут первым «абзацем к теории нового искусства», которую напишет «теоретик-витаист» [8].

Письмо литературной молодежи «О Копернике из Фрауенбурга, или азбука азиатского ренессанса в искусстве», напечатанное в сборнике «Камо грядеши», посвящено исключительно эстетическим проблемам. По Хвылевому, «"Искусство вообще" — это архиспецифичная область человеческой деятельности, которая пытается удовлетворить одну из потребностей духа человека, а именно любовь к прекрасному...» [8], а стремление к прекрасному не мешает быть гражданином. Об этом же он писал и Н. К. Зерову в июле 1926 г.: «Разве знаменитое *l'art pour l'art* не претерпело со времен Ариосто определенной эволюции? Разве... “красота” <...> не ищет новой гармонии, где б звучали гражданские мотивы? Разве тот же самый Пушкин не был тому

---

¹ Здесь и далее статьи даются в моем переводе с украинского, кроме статьи «Украина или Малороссия?..», переведенной А. Руденко-Десняком. — З. Х.

ярким примером? Разве за “Русланом и Людмилою” <...> мы не видим Пушкина-гражданина? — Но Пушкин жил в нормальной атмосфере культурного строительства...» [9; 2, с. 840]².

Хвылевый видит, что «...и напостовцы, и лефовцы, и пролеткультовцы, и октябристско-платформовцы, и панфутуристы <...> исходят из основного назначения искусства — как “способа строительства жизни”», но это ведь профанация искусства, утверждает он: «Под “способом строительства жизни” скрывается <...> безоглядный утилитаризм, писаревщина в красной маске, ликвидаторские настроения относительно искусства, ревизионизм плехановской эстетики, немецкое “просветительство”...» [8].

Для него неприемлем тезис о классовом характере культуры, он считал принцип бесклассовости даже более разумным для пролетарского искусства, чем для других областей творческой деятельности. Высказывания Хвылевого о художнике («Только исключительно яркая индивидуальность, которая имеет не только немалый жизненный опыт, но и <...> организовала свою творческую деятельность в соответствии с назначенным ей слепой природой пути»; «Художником нужно родиться» [8]) не находили поддержку ни в объединении крестьянских писателей «Плуг», ни во Всеукраинском союзе пролетарских писателей.

И уж совсем неприемлемы для оппонентов Хвылевого были его слова о том, что пролетарское искусство зависит от тех же законов, что и буржуазное. «Школы, например, — это его этапы, — рассуждает Хвылевый, — по ним оно будет идти к вершинам своего совершенства». Или: «Пролетарское искусство пройдет этапы: романтизма, реализма и т. д. Это — замкнутый круг законов художественного развития. И если теперь мы спрашиваем себя, какое направление должно характеризовать и характеризует наш период переходной поры, то отвечаем: романтика витаизма (vita — жизнь)» [8]. Хвылевый считал, что «...болтовня об “абсолютном” реализме пролетарского искусства <...> целиком безосновательна» [8]. Он часто высказывал неудовлетворение качеством пролетарской литературы.

У него была собственная оригинальная концепция развития украинской культуры. По его мнению, Украина, расположенная между Европой и Азией, должна занять особое место в «грядущем могучем азиатском ренессансе в искусстве» [8]. Историческая концепция Хвылевого складывалась как результат переосмысления циклического развития человечества и культуры (теории Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера). Народы Азии, творившие первый, патриархальный, культурный цикл, исчерпали свои силы, и следующие два цикла — феодальный и буржуазный — творились энергией народов Европы, которая также исчерпалась в процессе создания культуры. На четвертом этапе настала снова очередь народов Азии, которые накопили в продолжение предыдущих циклов могучий потенциал. Человечество стоит на пороге азиатского ренессанса.

Хвылевый провозгласил начало четвертого возрождения человечества — пролетарского типа культуры. Украина же, которая расположена на границе двух цивилизаций, должна получить потенциал обеих. Она сберегла пассионарность и может утвердить собственную этнокультурную самобытность через творчество в духовной сфере. Потому, говорил он, и важен вопрос для культурного строительства на Украине: Европа или «Просвита». «Просвита» ассоциируется с украинским почвенничеством. Это общество,

² Здесь и далее перевод писем с украинского мой. — З. Х.

организованное в 1868 году (и просуществовавшее на Украине до 1930-х годов), занимавшееся внедрением всего украинского — от быта до искусства. Но «Просвита» для Хвылевого — символ ограниченности, не видящей разницы между самобытным художественным творчеством и трудом по ликвидации неграмотности. «Просвите» Хвылевый противопоставляет «психологическую Европу». «Это не та Европа, — говорит он, — о которой Шпенглер сказал, что она “на закате”, не та, что гниет, которую мы ненавидим. Это — Европа грандиозной цивилизации, Европа — Гете, Дарвина, Байрона, Ньютона, Маркса и т. д., и т. п.». «Так мы смотрим на Европу. Так мы смотрим на просвиту. Что ж тогда: Европа или просвита? — Для искусства — только — Европа», — категорически звучит вывод [8].

В памфлете «О “сатане в бочке” или о графоманах, спекулянтах и других “просвитянах”» высказано мнение, что для пролетарской литературы полезнее «в миллион раз советский интеллигент Зеров, вооруженный высшей математикой искусства, чем сотни “просвитян”, которые понимают в этом искусстве, как “свинья в апельсине”, что в седьмой год революции вдруг сделались революционнее самого Ленина, и теперь выступают в разных советских журналах с “красными” фразами...» [8].

В Миколу Зерове, выдающемся ученом-литературоведе, профессоре Киевского университета, переводчике античных писателей, главе «неоклассиков», Хвылевый увидел единомышленника. Он понял, что Зеров, защищающий искусство, свободное от какого-либо диктата, в то время, когда тон в литературной жизни задают держиморды с революционной фразеологией, несомненно, близок ему по взглядам. Хвылевый предложил Зерову участвовать в качестве критика в журнале «ВАПЛІТЕ» и привлечь в журнал других «неоклассиков».

В памфлете «О демагогичной водичке, или действительный адрес украинской воронщины, свободная конкуренция, ВУАН и т. д.» Хвылевый укоряет главу «Плуга» С. В. Пилипенко: «Вы ж прекрасно понимаете, что вся та массовая литература, которую вы печатаете, и близко не лежала около искусства» [8]. Свой союз с неоклассиками Хвылевый объясняет тем, что они — «настоящие европейцы», хотя бы уже потому, что «против течения» переводят римлян, поняв, что «новое искусство должно вернуться к образцам — античной культуре. Азиатский ренессанс — это эпоха европейского возрождения плюс несравненное, бодрое и радостное греко-римское искусство». «Не удивительно, — считает Хвылевый, — что даже в буржуазной Франции возник недавно неоклассицизм. Для романтики витаизма неоклассицизм так же нужен, как и сама вера в правду великого азиатского ренессанса». Он призывает молодежь идти за «олимпийцами» по пути нелегкому, но зато это путь, «который бежит в будущее за багряными конями ... гениальной революции» [8].

По словам Хвылевого, Зеров поддержал его идею азиатского ренессанса, написав ему: «Я люблю всех сторонников “циклических теорий”. Вера в цикличность определяется пафосом, трагизмом, эмоционально насыщена, и благодаря этому захватывает». «Именно эту цикличность мы и предлагаем, — пишет Хвылевый в своем памфлете. — Именно она и воссоздаст те “великие мысли и чувства”, про какие говорит Воронский. Его же “бесконечный прогресс” ведет нас к “катафалку искусства”, к панфутуризму, к ликвидаторским настроениям. Буржуазный цикл себя исчерпал и зашел в тупик, и не Воронскому вывести его на радостный путь горения» [8]. Хвылевый не может согласиться с русским критиком, особенно с его отрицанием перспективного, по его мысли, направления в искусстве — экспрессионизма: «В той

же брошюре “Искусство как познание жизни” он (А. К. Воронский. — 3. X.) <...> перегибает палку объективизма. Этим только и можно объяснить, что для Воронского немецкий экспрессионизм — “упадочное” течение. Для нас не так: это тоже предтеча великого азиатского ренессанса. Ибо экспрессионизм — <...> это тоже попытка дать цикличную теорию, а только цикличная теория имеет перспективы. Это не шпенглеровская теория целой системы — это цикличная теория одного искусства...» [8].

Хвылевый предполагал, что азиатский ренессанс в искусстве будет состоять из нескольких периодов, а «периоды будет характеризовать то или другое художественное направление». Предтечами ренессанса Хвылевый называет «олимпийцев»: «Как в свое время Петрарка, Микель-Анджело, Рафаэль и т. д. с итальянского уголка зажгли Европу огнем возрождения, так <...> новые художники-коммунары, которые идут за нами, найдут на гору Геликон, поставят там светильник Ренессанса <...> Романтику витализма создадут <...> коммунары. Она, как и всякое искусство, для развитых интеллектов. <...> Это искусство первого периода азиатского ренессанса. С Украины оно должно перекинуться во все части света и сыграть там не домашнюю роль, а общечеловеческую» [8].

В архиве НКВД, в материалах арестованного в 1937 году зав. отделом ЦК КП(б)У А. Хвыли, сохранился не разрешенный к печати памфлет Хвылевого «Украина или Малороссия? Еще несколько заметок о проблемах культурной революции». Его нельзя назвать более острым в политическом аспекте, чем другие, скорее всего, он не был напечатан из-за нападков на высокого партийного деятеля. Речь в памфлете идет о том, что украинская литература должна иметь собственный, отличающийся от русского, путь развития, как и культура в целом. «Без русского дирижера наш культурник не мыслит себя. Он способен только повторять зады, обезьянничать» [9; 2, с. 471], — обрушивает Хвылевый свой гнев на деятелей культуры.

Хвылевый убежден, что лучше искать себе учителей на Западе, чем в России. Украине не хватает «витальности», а западная литература, золотой век которой проходил под знаменем буржуазных революций, более оптимистична, чем русская. Хвылевый спрашивал: «Откуда эта арцыбашевщина четвертого сорта пролетарских писателей Гладковых, чирикание писателей соломенной Руси, заурядность Ивановых, ограниченность Пильняков, бульварщина Эренбургов и т. д. и т. д. Откуда эта бесплотная <...> формалистика Шкловских? Откуда эта профанация литературы господами Алексеями Толстыми? Каковы причины подобного разложения?» [7, с. 195]. И отвечал: «Великая русская литература прежде всего <...> пессимистична, точнее пассивно-пессимистична. В западноевропейском печатном слове тоже содержалась доля пессимизма, но там оно всегда призывало общество к активности, к строительству, к “неведомым горизонтам”» [7, с. 195].

Признавая, что русская литература XIX века для украинцев «была лучом света в темном царстве», Хвылевый называет ее «прежним богом»: сейчас «бог этот не отвечает духу эпохи». «Грядет новое время нового человека», а русская литература, которую и партийный работник А. Хвыля, и упоминаемый в памфлете критик В. Коряк, и все те, кто проводил партийную линию в культуре Украины, считали образцовой, по мнению Хвылевого, «не способна воспитать сильного и здорового, цельного и железного человека, который будет наделен стальными нервами и не полезет на четвереньках от идеалов, вспыхнувших в осеннюю революцию». Она, по его словам, «не в силах

поддерживать огонь необыкновенной веры в правду гражданских баталий, в неминуемость прихода “далекой загорной коммуны”» [7, с. 198].

Хвывелевый пытался убедить своих оппонентов в том, что украинской литературе нужно предоставить возможность развиваться самостоятельно, без оглядки на русскую: «И если московская молодежь в силу тяжких традиций не может освободиться от влияния своего художественного прошлого, то не тяните в это же болото (сознательно или бессознательно) и наших молодых»; «Возрожденческие мотивы молодой украинской поэзии не только не примиряются с декадансом нынешнего московского искусства, с ограниченностью тамошних пролетарских художников, но они сопротивляются и духу пессимизма великой русской литературы...» [7, с. 198].

Полемизируя, Хвывелевый нередко бывал излишне категоричен, однако в том, что украинские писатели не должны слепо следовать традициям русской литературы, он абсолютно убежден. Он боролся за оригинальную, самобытную украинскую литературу и был уверен, что она в состоянии не только «создать подлинное искусство великой эпохи», но и «указать революционный путь русскому Парнасу». Потому и предложил он «новый лозунг, направленный против русской литературы, <...> лозунг здорового соперничества» [7, с. 199].

«Не нужно путать наш политический союз с литературой» [9; 2, с. 573], — настаивал Хвывелевый. Но литературная дискуссия быстро потеряла и дискуссионный, и литературный характер, став политической, в нее включились партийные деятели: В. Затонский, В. Чубар, А. Хвыля, М. Скрипник. В пылу полемики писатель произнес фразу «Прочь от Москвы!»³. В апреле 1926 года возглавлявший ЦК Украины Л. Каганович получил письмо от Сталина, в котором было высказано недоумение, что украинский коммунист Хвывелевый выступил с лозунгом «Прочь от Москвы». Разумеется, Сталина тонкости эстетических споров не волновали. 6-й номер «ВАПЛИТЕ», в котором печаталась вторая часть идеологического романа Хвывелевого «Вальдшнепы», был конфискован, а в начале 1928 года вынуждена была «самоликвидироваться» и ВАПЛИТЕ. Но времена были еще «вегетарианские», и несколько лет Хвывелевый мог печатать свои рассказы, повести, статьи, работать в альманахе «Литературная ярмарка» и журнале «Пролитфронт». Но скоро нападки критиков переросли в травлю. М. Хвывелевого и его единомышленников стали называть глашатаями идей украинской националистической буржуазии в литературе. В 1933 году, когда начались аресты его ближайших соратников, писатель добровольно ушел из жизни. Он думал, что его самоубийство вызовет резонанс, заставит власти обратить внимание на украинскую культуру и ее деятелей, однако этого не произошло.

Закономерно, что в советскую эпоху имя человека, возглавившего «расстрелянное украинское возрождение», упоминалось лишь в обзорах, его роль в культуре Украины 1920-х годов намеренно искажалась, произведения не переиздавались. Лишь с конца 1980-х годов в Украине и России публикуются отдельные сборники художественных произведений и литературно-критических статей Хвывелевого. Начинается изучение его творческого наследия. В Украине выходят

---

³ По словам секретаря ВАПЛИТЕ А. Любченко, Москву Хвывелевый «так ненавидел, что никогда не соглашался туда ездить, хотя его посылали на пленумы и конференции. Только раз, кажется в 1929 году, побывал в Москве; поездка была неофициальной, гостевой. В Доме Герцена проводил вечера с Маяковским, оба они один к другому принялись и много пили...» [5; перевод мой. — З. Х].

монографии о жизни, судьбе и творчестве Хвильевого, его мировоззренческих исканиях [10], защищаются диссертации, публикуются научные работы об истории украинской литературы первой трети XX века, в том числе о литературной дискуссии 1920-х годов [2, 11]. Если в 1990-е годы меньше внимания уделялось эстетическим взглядам Хвильевого, чем его творчеству, то в XXI веке усилился интерес к его философско-эстетической концепции, появились работы, специально посвященные ее отдельным аспектам (теориям азиатского ренессанса [4] и романтического витаизма [3, 6]), но преимущественно авторами этих работ рассмотрена реализация теоретических положений в художественной практике Хвильевого и его современников.

Список литературы

1. *Агеева В. П.* Микола Хвильовий // Хвильовий Микола. Твори. Київ: Наук. думка, 1995. С. 5—30.
2. *Байдалова Е. В.* Украинская литература между Европой и Россией: к полемике К. Буревого и Н. Хвильевого // Славянский альманах. 2015. № 1—2. С. 206—214.
3. *Кавун Л. И.* Стиль «романтики витаизма» в украинской прозе 20-х годов XX века // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2005. № 1. С. 84—87.
4. *Камянская А. В.* Теория азиатского ренессанса в творческом наследии Николая Хвильевого // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. Філософія. Політологія. 2007. № 87/88. С. 28—31.
5. *Любченко А.* Нотатки до спогадів про Хвильового. URL: <http://litmisto.org.ua/?p=4185> (дата обращения: 10.10.2020).
6. *Сапон-Аблязова Л. В.* Воплощение теории романтического витаизма в творчестве Н. Хвильевого // Гуманітарні студії. 2012. № 15. С. 223—235.
7. *Хвильевый М.* Украина или Малороссия? Еще несколько заметок о проблемах культурной революции / пер. А. Руденко-Десняка // Дружба народов. 1990. № 7. С. 189—200.
8. *Хвильовий М.* Камо грядеши: Уривки з памфлетів. URL: http://ukrlit.org/faily/avtor/khvyliovyi_mykola/khvyliovyi-kamo_hriadeshy.pdf (дата обращения: 12.10.2020).
9. *Хвильовий М.* Твори: у 2 т. Т. 2. Київ: Просвіта, 2001.
10. *Шейко В.* Філософія української національної ідеї та Микола Хвильовий: історико-культурологічний аспект: монографія / Василь Шейко, Валерія Левіна. Київ: Ін-т культурології НАНУ, 2009.
11. *Шкандрій М.* Модерністи, марксисти і нація: українська літературна дискусія 1920-х років. Київ, 2006.